

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

«Националь». Пятый этаж, 305-й номер. Она еще что-то говорит переводчице, когда я вхожу. На столе рукопись, словари. Все в чисто женском беспорядке и какой-то удивительной внутренней гармонии.

— Ты пришел?.. — Мой возраст и предыдущая встреча дают ей полное право говорить мне «ты». Это и ее традиция. — А мы вот тут работаем, — как бы извиняясь, говорит она своим неподражаемым грудным голосом.

Чувствую себя настоящей свиньей — за сутки ей предстоит прочитать 700 страниц на двух языках и сверить все до запятой. И не ошибиться. Вопросы буквально застревают в гортани, как рыбы кости.

Пауза.

— Это правда, что советские читатели совсем скоро увидят перевод вашей книги?

— До сих пор не могу поверить, что моя книга выходит в России. К тому же без купюр... Была в издательстве «Прогресс», — Марина счастливо улыбается, — перевод приняли, что называется, со всеми запятыми.

Я знаю, что значит для нее эта книга. Что стоило ее написать. Остаться до конца честной, рассказывая о таком сложном, подчас противоречивом, но, несомненно, великом таланте — Владимире Высоцком. Я вспомнил разговор, который произошел между нами полтора года назад:

— Вы будете писать о нем книгу?

— Я уже пишу.

— Она выйдет во французском издательстве?

— Да, если выйдет.

— А почему «если»?

— Вы знаете, это очень... — Марина задумалась, подыскивая нужное слово, — щепетильный вопрос.

— Сложности с издателями?

— Нет, это сложности с самой собой, что ли.

— Сложно писать?

— И писать сложно... А главное, сложно решиться все это издавать.

— Потому что — личное?

— Это не только личное... Когда человек умирает в срок два года, это очень страшно.

— Автобиографию писать, наверное, легче? Человек может в чем-то признаться, а о чем-то, известном только ему одному, умолчать...

— Я рассказала о нем то, что знаю. И должна признаться: знаю я далеко не все. А всего не знает никто. Мы сами ведь себе очень часто врем... Почему я решилась писать о нем?.. Меня однажды как-то повело — остановиться я уже не могла. Подтолкнули же меня к этому все чаще появлявшиеся в печати... как бы это сказать?.. гадости. Нет, конечно, не в ругательном смысле. Под гадостью я подразумеваю здесь ложь, домыслы — короче, все, что искажает лицо человека, перевирает его истинные черты — не важно в какую сторону. Главным образом меня возмутило то, что из Володи пытаются вылепить этакое ангела. Нет! Он никогда и совсем не был ангелом! Он был нормальным человеком. Я должна сказать всем правду: не хочу, чтобы его засахаривали на страницах газет и журналов. Я хочу, чтобы он достался всем таким, какими был...

И вот, два с половиной года спустя, передо мной впечатанный на машинке русский перевод, которым через какое-то время суждено одеться в книжную обложку. Рядом на столе — выпущенные недавно в Швеции и Финляндии книжки «братья». Молодая советская переводчица Юлия Абдулова (это ее, нужно признать, блестящий дебют) протягивает мне первые страницы книги. Я читаю:

«Меня всегда занимала одна вещь: что происходит в головах у людей при виде актера или актрисы, которыми они восхищаются в кино? Однажды вечером мы вышли из театра после «Гамлета», мороз, на улице ни души. Белый пар поднимается из решеток водосточка, и свет фонарей прорывает синеватую тьму. Две фигуры отделяются от дверей одного из подъездов. Два человека в шапках и с загорелыми лицами напряженно застыли перед нами. Ты смотришь на меня с беспощадным: Может быть, ты даже испугался в какой-то момент? Но мягкий и вежливый тон того, что повыше, сейчас же нас успокаивает. Слегка наклонившись вперед, он обращается к тебе с сильным грузинским акцентом, стараясь при этом не глядеть на меня.

— Дорогой, очень дорогой Высоцкий, позвольте мне представиться. Я узнал, что сегодня вечером вы вдвоем будете в театре, я приехал из Тбилиси, я весь вечер прождал на улице — боялся вас пропустить. Позвольте ли вы мне обратиться к вашей супруге?

Нас не рассмешило такое обращение, в нем чувствовалось огромное уважение, даже почтительность, а главное, было понятно, что предмет разговора очень серьезен. Я киваю в ответ. Движением руки ты приглашаешь его говорить. Он поворачивается ко мне лицом — и тут я вижу глаза. В них свирепая страсть и уверенность.

— Мадам, я пришел отомстить за вас. Мы с моим другом готовы убить гнусного подлеца, у которого нет жалости. Если бы он не был так извращен, я рассмеялась бы, но чувствуя, что он дрожит с головы до пят, я молчала, а он продолжал:

— Как он мог, как не пожалел? Так вот — камнем даже собаку не убивают.

Я, наконец, поняла, в чем дело: Колдунья, юная дикарка из фильма, над которой рыдала вся Россия, погибает от руки нежестокосердного крестьянина. И этот человек предлагает живой актрисе отомстить за ту, которую она сыграла. Он так поверил во все это, что для него было совершенно естественным предложить мне свою помощь...

Я в одинаковой мере взволнована и растеряна. Как ответить, чтобы не обидеть его, как объяснить этому простодушному

человеку, что тут не за что мстить? Как друга я беру его за руку.

Посмотрите на меня, потрогайте, ведь я жива, я говорю с вами. Меня не убивали. Вы же видите, я совершенно живая. Спасибо вам за ваши чувства, спасибо за смелость!

Его ледяные руки сжимают мою, и, наклонившись, он прикасается губами к кончикам моих пальцев.

Все. Чары развеяны. Выпрямившись, он смотрит на меня и с достоинством просит извинить за то, что так долго недождался.

Два человека уходят в ночь. Странная история, которую ты заканчиваешь почти серьезно: «Жаль. Мы могли бы отплатить им и нашему злейшему врагу!»

В самом деле, кто был твоим злейшим врагом?..

Я был свидетелем того, как нелегко дался Ю. Абдуловой перевод этой книги. Борьба

решили написать о нашей русской артистической семье. О корнях и традициях. И о проблемах. Наши старшие сыновья — мои и сестры Милиты — оказались подвержены тогда еще совсем не известной «болезни» — наркомании. Мы решили честно рассказать другим об этой трагедии. Предупредить. Кроме того, мы в своей книге хотели доказать ту мысль, что «звезды» — тоже люди, со всеми человеческими проблемами. В 70-е годы между «звездами» и остальными «земными» была просто пропасть. Это была попытка навести мосты.

— Как вы, русская французенка, чувствуете себя на своей прародине?

— Я очень переживаю за

Марина ВЛАДИ:

«ЭТО НЕ ТОЛЬКО ЛИЧНОЕ...»

Всего 33 часа в Москве. Почти инкогнито Из Хельсинки. Чтобы в последний раз прочитать русский перевод книги «Владимир, или Прерванный полет». И поставить свою подпись. И дать одно-единственное интервью — для корреспондента «Комсомолки».

шла буквально за каждое слово (в том смысле, что книга должна была быть максимально русской по духу и точной — по Марииной интонации). Звонки из Парижа. В Париж... Наградой был тот день, когда в издательстве пошутили, что французский вариант скорее похож на перевод с русского, чем на оригинал.

Интересуюсь у Марины, как будет тираж книги.

— 650 тысяч экземпляров. Я оговорила за издательством безвозмездное право дотачивать к этому тиражу сколько угодно книг. Это мой подарок советским людям.

— Собираетесь ли вы еще когда-нибудь изменить своему актерскому призванию с ручкой и листом бумаги?

— Я уже это сделала. Я пишу...

— Что, если не секрет?

— Конечно, секрет. Абсолютный. Я и заикнуться не успею, как меня ограбят. Кроме того, я не уверена, что у меня хватит сил довести дело до конца.

— Это будет роман?

— Нет. Серия коротких рассказов. Около 30 сюжетов. Половину я уже осилила, но вот как пойдет дальше — не знаю.

Взяв однажды в руки ручку, я открыла для себя совершенно удивительный мир, подаривший мне возможность самовыражаться как-то по-особому. Наиболее честно, что ли. Все зависит только от тебя. И это мне нравится. Человек целиком отвечает за то, что творит. Совершенно иное измерение жизни. Та книга, которая выйдет в Советском Союзе, — моя исповедь. Я отвечаю за все, что написала. То, что это выйдет у вас целиком так, как написано мною, говорит о том, что в России наступил день, о котором всегда мечтал Володя. День Свободы. Свободы писать и вообще делать в искусстве то, что творческий человек считает нужным.

— За письменным столом вы ощущаете себя менее привычно, чем, скажем, перед камерой или на сцене?

— Это тяжелее в смысле совершаемой внутренней работы. И легче — ведь никто не стоит у меня за спиной и не говорит, что «это вот не так», а «вот это я сниму». Я всегда очень любила писать письма. В школе, хотя я недолго там проучилась, писала рассказы...

Я достаю из дипломата написанную в конце 70-х сестрами Поляковыми книгу «Бабушка». Одна из авторов — Марина. Она берет книгу. Листвует: «Господи, какие мы здесь молодцы!» И вдруг зарыдала. Увидела фотографию умершей совсем недавно сестры Элен Валье.

— Когда умерла мама, мы

Советский Союз. Слишком дорогой ценой пришлось ему заплатить за оборону, за свои достижения в космосе. Я искренне радуюсь вашим успехам. Когда полтора года назад я вернулась в Париж из Москвы с форума «За безъядерный мир, за выживание человечества», меня оскорбительно обозвали актрисой «Горбачевшоу». Издевались, что меня, дескать, «заманили». И знаете, что я на все это ответила? Я сказала, что только глупец не прислушивается к тому, что происходит в России, поскользнувшись, если мы закроем дверь в эту страну, это будет равнозначно смертному приговору человечеству. Рано или поздно такая «глухота» рискует привести к катастрофе. И что же сегодня? На Западе говорят: «O-go-go! В России все пошло-поехало. Большие перемены. Это нам нравится...»

— Марина, мне просто стыдно было бы не спросить о том, над чем вы сейчас работаете в кино. Ведь вы, как никак, прежде всего актриса, а уж потом писательница.

— Я только что закончила сниматься в фильме Этторе Сколы «Великолепие». Сюжет? История жизни неизвестной актрисы, которая нашла человека своей судьбы в скромном владельце кинозала. Мне повезло с режиссером. Скола, по моему, один из лучших, встречаемых на моем творческом пути. Но самая большая неожиданностью была для меня, когда я узнала, что буду снова играть с Мастоинни, как когда-то в молодости в «Днях любви», ведь я с ним начинала. От волнения, «ужаса», смущения я, помнится, даже залепетала что-то невнятное в ответ на предложение роли. Я обожаю Марчелло как актера. Это, по моему, один из лучших артистов. Наш дуэт в новом фильме был божествен.

В разгар съемок я узнала, что умерла моя сестра Элен. А меня как раз загромировали для ретроспективных кадров — я в молодости. Меня предупредили, что если я буду плакать, то сорву съемки — никакой грим не позволит тогда спрятать мой возраст. И я держалась. Целых три недели. Ты просто не представляешь, что это было такое. Человек моей профессии часто не имеет права плакать, когда того требует душа. Это жестокая жертва. Но мы не можем позволить себе плохо выглядеть. Профессиональный долг. А сегодня, прости, но я буду плакать. О тех, кого уже нет рядом со мной. И от радости — в России теперь будут знать Володю Высоцкого таким, каким он был на самом деле...

А. СВИСТУНОВ.

Фото В. ПЛОТНИКОВА.